

‘Разве он дороги не знает’: к грамматикализации риторических вопросов в северносамодийских языках*

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН, Москва; valentin.gusev@iling-ran.ru

Аннотация. В статье рассматриваются несколько форм и конструкций северносамодийских языков (ненецкого, энецкого и нганасанского), которые идентичны отрицательным вопросам или восходят к ним. Эти конструкции, изначально имевшие значение риторического вопроса, маркируют информацию, воспринимаемую и говорящим и адресатом как само собой разумеющуюся, и используются для обоснования других утверждений или действий. В нганасанском эти конструкции формально очень похожи на отрицательные: при отсутствии маркера вопроса они допускают и отрицательную, и утвердительную интерпретацию. В ненецком и энецком в их состав часто дополнительно входит специальная частица, которая сливается с лично-числовыми показателями, образуя специальные серии согласовательных маркеров. Кроме того, в утвердительном употреблении отрицательный глагол может находиться в постпозиции к основному глаголу, что невозможно для отрицательных употреблений.

Ключевые слова: риторические вопросы, отрицательные вопросы, северносамодийские языки.

---

* Мы признательны С. И. Бурковой, Н. Муш, А. Ю. Урманчиевой, О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинскому за электронные версии ненецких и энецких текстов, в том числе неопубликованных, и консультации по ним. Нганасанские текстовые примеры взяты из корпуса NSLC (Nnganasan Spoken Language Corpus [Brykina et al. 2016]); тексты обозначаются номерами, которые расшифровываются в конце статьи. Для примеров из прочих языков указываются источники. При цитировании мы в ряде случаев упрощаем транскрипцию и глоссирование и опускаем незначимые элементы (оговорки, маркеры hesitation и т. п.). Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01649.

‘Does not he really know the way’: On grammaticalization of rhetoric questions in North Samoyed languages

V. Yu. Gusev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow; vgoussev@yandex.ru

Abstract. This paper deals with several types of forms and constructions in North Samoyed languages (Nenets, Enets and Nganasan) that are identical with, or go back to negative questions. It demonstrates that such constructions, originally rhetoric, have evolved into a special kind of structures that express information taken for granted by both the speaker and the addressee and are used to justify other statements or actions. Negation can also occur in the same function in other non-affirmative moods such as dubitative or irrealis.

In Nganasan, these structures are formally rather similar to negative constructions so that in the absence of an explicit interrogative marker (e.g., with nominal forms), they may be ambiguous admitting both affirmative and negative reading where a phrase like “he not Nenets” may mean either ‘he isn’t Nenets’ or ‘he is Nenets, you know’. In Nenets and Enets, these structures often additionally require a special particle which is fused with person-number suffixes to form a dedicated series of agreement markers. In addition, in affirmative uses the negative verb may occur after the main verb, which is impossible for its negation uses; similar cases are frequent in Nenets and Enets and rare in Nganasan.

A special use of the negative-interrogative construction in Nenets and Enets is attested with the verb of saying introducing direct speech. This use reflects the cross-linguistic tendency to reduce the assertiveness of quotative markers.

Keywords: rhetoric questions, negative questions, Samoyed languages.

1. Введение

Отрицательные вопросы вида «Разве неверно, что Р» являются достаточно распространенным — вероятно, универсальным — риторическим приемом. Как многократно отмечалось в литературе (см., например, [Роре 1976: 37; Падучева 1985: 232–245; Bechmann 2010: 31ff] и многие другие работы), в риторическом вопросе происходит «инверсия polarity», т. е. отрицательный риторический вопрос служит на самом

деле для утверждения, а утвердительный — для отрицания. Ставя позицию под вопрос, говорящий тем самым выражает сомнение в ней.

Вместе с тем вопрос, даже риторический, хотя бы формально требует ответа: говорящий ждет (или как будто ждет), что собеседник подтвердит его мнение (ср. [Grésillon 1980: 257; Meibauer 1986: 90] и др.). Поэтому риторический вопрос не годится для сообщения новой информации в полном смысле этого слова; это должно быть такое утверждение, которое, как говорящий считает (или как он хочет представить), разделяет и собеседник тоже. Иными словами, некий факт представляется как заранее известный, как то, с чем согласны все участники диалога.

Как риторический прием такие вопросы давно известны и хорошо изучены. Три северосамодийские языка — ненецкий, энецкий и нганасанский — интересны тем, что отрицательные риторические вопросы в них грамматикализовались: они либо потеряли стилистическую выделенность, либо, в результате сочетания с другими элементами, вообще утратили синхронную связь с вопросами.

В первом разделе данной статьи мы рассмотрим вопросы с отрицанием в нганасанском языке, которые, формально ничем не отличаясь от истинных вопросов, широко используются для выражения утверждения. Второй раздел будет посвящен ненецким и энецким так называемым «контрастивным» формам глагола, которые, как мы постараемся показать, также восходят к вопросительным формам¹.

2. Отрицательные вопросы в значении утверждения в нганасанском языке

2.1. Отрицательные вопросы в своем прямом значении

Напомним, что в северосамодийских языках, как это типично для уральской семьи, отрицание выражается специальным вспомогательным глаголом, к которому переходят все словоизменительные

---

¹ В данной статье не рассматриваются две группы явлений, сходные с риторическими отрицательными вопросами, но заслуживающие отдельной работы. Во-первых, это присутствующие в обоих энецких идиомах конструкции с вспомогательным глаголом *iija-/iiji-*, о которых см. [Siegl 2014]. Во-вторых, это нганасанские именные формы с послелогом *mantə*, о которых кратко см. [Gusev 2015: 118–119].

суффиксы, а смысловой глагол при этом ставится в особую неизменяемую форму коннегатива:

- (1) *hedij-tj* — *ni-ntj* *hedij-²*
 идти-PRAES NEG-PRAES идти-CN
 ‘идет’ ‘не идет’

При этом в нганасанском языке есть специальные вопросительные формы. Их пять: для трех времен индикатива (прошедшего, настоящего и будущего), итеративная и цитативная²:

- (2) а. *hedij-ŋj* — *ni-ŋj* *hedij-²*
 идти-INTERR NEG-INTERR идти-CN
 ‘идет?’ ‘не идет?’
- б. *hedij-hj* — *ni-hj* *hedij-²*
 идти-INTERR.PRAET NEG-INTERR.PRAET идти-CN
 ‘шел?’ ‘не шел?’
- в. *hedij-ntəŋj* — *ni-ntəŋj* *hedij-²*
 идти-INTERR.FUT NEG-INTERR.FUT идти-CN
 ‘будет идти?’ ‘не будет идти?’
- г. *hedij-kəə* — *ni-kəə* *hedij-²*
 идти-INTERR.ITER NEG-INTERR.ITER идти-CN
 ‘ходит?’ ‘не ходит?’
- д. *hedij-hia* — *ni-bia* *hedij-²*
 идти-INTERR.RENARR NEG-INTERR.RENARR идти-CN
 ‘идет, говорят?’ ‘говорят, не идет?’

Эти формы — и утвердительные, и отрицательные — употребляются как в общих, так и в частных вопросах, ср. ниже несколько примеров общих отрицательных вопросов с разными формами:

- (3) *Əi?* *təti* *ŋana²sa-gümü* *ni-ŋj* *tuu-²* *əh_i*,
 INTERJ ТОТ человек-ТО NEG-INTERR ПРИЙТИ-CN PTCL

² Некоторые из форм в примерах (2а–д) от данной основы не встретились в корпусе и сконструированы нами здесь для иллюстрации. Вопросительный цитатив употребляется тогда, когда либо информация, о которой задается вопрос, либо сам вопрос передается с чужих слов.

maabta-ŋu?

или.что-INTERR

[Говорили же: сзади меня человек идет.] ‘Оу, этот человек-то не пришел, нет?’ (21: 617).

- (4) «*Tə kuni²a i-t'əŋu-mu²   ńi-ntə-ŋi-mi²   labku*
 ну как   быть-FUT-INTERR-1PL.S   NEG-FUT-INTERR-1PL.S   магазин
d'a konj-²?» — «*Toi-ŋəə-²   labka-t'ü.*
 ALL   пойти-CN   не.надо-IMP-3PL.S   магазин-PL.3PL

Dəmtəbtalu-ru-šüdü-tü²?

кормить-PASS-FUT-2PL.R

‘Ну что будем делать, что, в магазин даже не пойдём? — Не надо (в) магазины. Вас будут кормить’ (7: 28–30).

- (5) *Dədə-kəə-ŋ   maa-güə   d'üt'i-kə-bi-tə*
 увидеть-INTERR.ITER-2SG.S   что-то   видеть.соп-RES-COND-2SG
hiind'a maa-gəl'it'ə   ńi-kəə-ŋ   nəmtə-²?
 ночью   что-EMPH   NEG-INTERR.ITER-2SG.S   почувствовать-CN

‘Ты что-нибудь видишь; ночью, во сне, ничего не замечаешь?’ (26: 10).

- (6) *Tə mij mɯnu-ntu-mu²: «Maa Bələt'anka t'erə²   ńi-bia-²   heđjij-²?»*
 ну мы   говорить-PRAES-1PL.S   что   Волочанка   житель-PL
 как   быть-RENARR.INTERR-3PL.S   NEG-RENARR.INTERR-3PL.S   идти-CN

‘Ну мы говорим: «Что [говорят про] тех, кто из Волочанки, как они, разве они не едут?»’ (7: 15).

При именах (в том числе при именных формах глагола) используется специальная отрицательная частица *ńintuu*, которая не имеет вопросительной формы; соответственно, в именных конструкциях вопросы маркируются только интонационно:

- (7) *ńintuu honəə-d'əə   lakariai??   — Tə, si'liadə,*
 NEG   используемое-ANT   вдруг   — ну   неизвестно
ńintuu ŋəndiai² honəə-d'əə,   sovšəm tə meńd'adə.
 NEG   наверное   используемое-ANT   совсем   ну   новый

‘Им [этим спальным мешком] случайно не пользовались раньше [т. е. не спали в нем]? — Ну, не знаю, наверное, не пользовались, он же совсем новый’ (21: 490–491).

2.2. Отрицательные вопросы в значении риторического утверждения

Впрочем, отрицательные общие вопросы не очень часты — очевидно, потому, что «честный», не несущий никаких презумпций отрицательный вопрос ничем не отличается от не-отрицательного. Однако в нганасанском языке конструкции с отрицательным вопросом активно используются для особого типа утверждения — для апелляции к фактам, известным собеседнику. Кажется, что в предложениях без вопросительного слова они по частотности существенно превышают «прямые», т. е. собственно вопросительные употребления отрицательно-вопросительных форм.

- (8) *Kobtua-mtu buə-d'a munu-ntu, sijj kobtua-tu*
 девушка-ACC.3SG говорить-INF говорить-PRAES он девушка-3SG
ni-hi taiə-ʔ, Mərijə-rə...
 NEG-INTERR.PRAET иметься-CN Марыда-2SG

‘Сестренке он говорит — у него же сестренка была, у Марыда...’
 [Сестренке он говорит: за того ненецкого парня выходи.] (18: 408).

Такие употребления очень частотны в диалогах. Собственно, они и встречаются в первую очередь в диалогическом (он же речевой; см., например, [Падучева 1996: 13]) регистре, а в нарративах чаще всего возникают либо в диалогах, либо тогда, когда рассказчик решает напрямую обратиться к слушателям. Ср. примеры (9)–(11) из естественных диалогов.

- (9) — *Tə, ni-nj-t'e t'enj-ʔ əhj.*
 PTCL NEG-INTERR-2SG.OP знать-CN PTCL
 — *T'enj-ntj-ŋe.*
 знать-PRAES-1SG.OP

‘— Ты же их знаешь. — Знаю’³ (32: 26–27).

- (10) *Hüətə ni-kəə d'otürə-ʔ tabaʔa.*
 всегда NEG-ITER.INTERR ходить-CN туда

[Они давно встречаются.] ‘Она же все время ходит туда [к нему]’
 (32: 160).

³ Вопросительная интерпретация здесь исключена: обоим участникам диалога известно, что один из них давно знаком с людьми, о которых идет речь, и может попросить у них в долг; второй же познакомился с ними недавно.

- (11) *Miiniə-rə ɲanuə tu-l'egu, səʔi-tiə tu-l'egu.*
 этот-2SG прямо огонь-COMP потрескивать-PT.PRAES огонь-COMP
 — *Ənti-güümü-dü bənsə ɲi-ɲi səjbu-ʔ kurəgundi.*
 это.самое-то-3SG весь NEG-INTERR слышаться-CN даже

[Речь идет о заставке на экране компьютера, которая изображает огонь.] ‘Вот это прямо как огонь, потрескивающий огонь. — Это прямо все слышно, [как по-настоящему]’ (9: 53–54).

Пример (12) взят из речи персонажа в нарративе.

- (12) *Təti-rə ɲintuu kaʔərəə ɲanudʔətə ɲanaʔsa,*
 тот-2SG не просто настоящий человек
təti-rə ənti, takəə ɲi-kəə-ʔ munə-ʔ
 тот-2SG этот.самый тот NEG-ITER-3PL сказать-CN
D'ojba ɲuə təi-tü.
 сирота бог иметься-PRAES

‘Он не простой человек, он это, [люди] же говорили раньше, что есть Сирота-Бог’ (27: 606).

В следующем примере речь идет о нартах с зимними вещами, которые оставляли в тундре при перекочевках на летние стойбища. Рассказчик отвлекается от повествования и обращается к слушателям.

- (13) *Kuə t'übü-t'e ɲuə-t'e-bü-tü, maɲɲuna ənti-rə:*
 какой пора-EMPH быть-EMPH-COND-3SG что.такое этот-2SG
ouʔ, nagüir kunsjbiʔa sohəru-huaɲu-ʔ —
 INTERJ три грузовая.нарта поставить-PASS-INFER-3PL
manu d'aɲuru-ʔ d'a suəd'ü-ühiam-bü-nüʔ
 раньше тундра-GEN.PL ALL аргишить-NAV-1PL
kəndü-ɲüʔ ɲi-kəə-miʔ koi-ʔ —
 нарта-ACC.PL.1PL NEG-ITER.INTERR-1PL оставить-CN
Duəli tərəd'i-ʔ.
 конечно такой-PL

‘Сколько-то времени [лиса] бежала, [вдруг видит]: что это, три грузовые нарты стоят, — помнишь, мы так оставляли в тундре санки, когда аргишили? — Конечно, такие [санки были]’ (24: 71–72).

Помимо явных случаев риторического утверждения, примеры которых были приведены выше, отрицательные вопросы употребляются в некоторых менее очевидных контекстах. В нарративе они могут употребляться для обозначения событий, которые следуют

из предшествующего изложения. Это могут быть ключевые события текста, однако слушателям уже становится ясно, что они должны произойти; ср. следующие примеры⁴.

- (14) *Ñejmĭ ħədi-ʔə, ħüə holĭʔə ħi-ħĭ-ðĭ ħuajħədu-ʔ,*
 иглолка найти-PF ребенок темя NEG-INTERR-3SG.O проколоть-CN
ħejmĭ-ntəñĭ.
 игла-LOC

[Персонаж подумал, что незаросшее темечко у ребенка — это нарыв, решил его проколоть, стал искать иглолку.] ‘Нашел иглолку, иглолкой проткнул ребенку темя’ (1: 36).

- (15) *Ou, tə-kəi-t'e ħiimtəkiʔ ħiini ħenat'aʔku ħarka-rə*
 INTERJ TOT-DU-PL.2SG вечер на огромный медведь-2SG
təti ħanaʔsanə-mtu ħi-ħĭ mou-ntə d'übiəlməbĭ-ʔ.
 тот человек-ACC.3SG NEG-INTERR земля-LAT бросить-CN
Mou-ntə d'übiəlməbĭ-ʔə-tĭ, təgətə-tĭ mou-ntə əm-kümü-rə
 земля-LAT бросить-PF-3SG.O потом-3SG земля-LAT этот-то-2SG
ħi-ħĭ kuə-güə-ʔ.
 NEG-INTERR умереть-то-CN

[Человек с медведем весь день боролись.] ‘Под вечер медведь человека на землю кинул. На землю кинул его, тогда тот на земле и умер’ (17: 66–68).

Бывают, однако, и такие контексты, в которых причина употребления отрицательного вопроса непосредственно не видна. Вероятно, в примере типа (16) рассказчик имеет в виду, что описываемых событий «следовало ожидать»:

- (16) *Kuul'üküəñĭ śiti kolajt'ügu-t'üə-gəĭ ħĭ-gəĭ*
 когда-то два обрабатывать.рыбу-PT.PRAES-DU женщина-DU
kuul'üñĭ ħaagəiʔ ħi-ħĭ-gəĭ ħənd'üimə-ʔ, d'omtumu-ʔə-ʔ.
 когда-то хорошо NEG-INTERR-3DU.S поругаться-CN поссориться-PF-3PL.S

[Персонаж взял вторую жену; они перекочевали на берег реки, нашли рыбное место; муж ловит рыбу, а жены ее обрабатывают.] ‘Однажды две женщины, обрабатывающие рыбу, вдруг начали ругаться, поссорились’ (15: 635).

⁴ Кажется, что по-русски в таких случаях может быть употреблена частица *ну*: *Ну, тот на земле и умер* из примера (15) и т. п.

- (17) *Tahariaa* *nüə-ʔkü-mi* *ni-ŋi-mi* *əhi*
 ну ребенок-DIM-ACC.1DU NEG-INTERR-1DU PTCL
mənəgaj-tʔü-ʔ. — *Əi?* *Mənə?* — *Mm, tənə*.
 упасть-CAUS-CN ой я ага ты

[Ты тогда маленькая была, не помнишь. Однажды наши матери пошли за дровами. А мы играли с Марией.] ‘Ну, ребенка мы и уронили. — Ой. Меня? — Ага, тебя’ (8: 20–23).

В следующем примере речь идет о случае болезни, который произошёл много лет назад, и одна из участниц разговора спрашивает, удачным ли было лечение, в вторая отвечает: да, конечно, ведь человек, о котором идет речь, умер совсем недавно. Очевидно, что первая собеседница этого не знает или, по крайней мере, не помнит. Тем не менее в ответе употреблена отрицательно-вопросительная форма — по-видимому, потому, что эта информация полагается общеизвестной.

- (18) а. — *Tə* *Halmaj tə* *naagim-hi?*
 PTCL Халмай PTCL выздороветь-INTERR.PRAET

‘Ну что, Халмай выздоровел?’

- б. — *Halmaj-ŋutu* *bajku-naŋku* *isa* *tjiminia*
 Халмай-PTCL старик-DIM быть-INF теперь
ni-hi *konj-ʔ*, *iri-tə* *huə-gəlʔə-tənj*.
 NEG-INTERR.PRAET уйти-CN дед-GEN.2SG после-EMPH-LOC

‘Халмай ведь недавно, уже старичком умер, позже, чем твой дед’ (10: 41–42).

Иногда в нганасанском языке — очень редко, в отличие от ненецкого и энецкого языков, о которых см. *Раздел 3*, — конструкция отрицательного вопроса употребляется с глаголом, вводящим прямую речь:

- (19) *Təti* *ŋamij* *lʔəʔsa-ŋku* *ni-ŋi* *muna-ʔ*: «*Ou,*
 тот другой русский-DIM NEG-INTERR сказать-CN INTERJ
maadə *siətə-ŋi-ti* *hotürü-tü* *kuniməŋi?...*»
 зачем вынимать-INTERR-3SG.OP письмо-ACC.PL.3PL где

[Женщина привезла документы и собирается их показать.] ‘Тот другой русский говорит: «Оу, зачем она вытаскивает свои документы?...»’ (19: 303–304).

Впрочем, редкость подобных употреблений в нганасанском языке заставляет предположить, что *niŋi munaʔ* в этом примере не просто вводит прямую речь; вероятно, слова персонажа были ожидаемы.

Грань между собственно риторическим вопросом и происходящим от него утверждением не всегда можно с надежностью провести. По сути дела, их различие зависит от того, насколько говорящий ждет реакции от собеседников или, по крайней мере, насколько он хочет представить свое высказывание как предполагающее такую реакцию. Если ответ ожидается или хотя бы в принципе возможен, то высказывание формально еще является вопросом; если же ответ в принципе невозможен, то, очевидно, соответствующая конструкция уже полностью утратила связь с вопросами. С надежностью мы можем видеть в высказывании вопрос в диалоге, когда за ним следует пауза для ответной реплики или — в диалоге внутри нарратива — сама ответная реплика, как в (7)⁵. В случаях же, где мы не можем твердо судить о намерении говорящего — например, в репликах персонажей повествования, — у нас остается простор для интерпретаций: так, в примере (34) ниже можно видеть и риторический вопрос (эта интерпретация кажется более вероятной), и риторическое утверждение.

2.3. Риторические вопросы с другими не-утвердительными формами

Помимо специализированных интеррогативных форм, в ганасанском языке есть еще несколько наклонений, которые могут менять истинностное значение высказывания.

Одно из этих наклонений — дубитатив, который указывает на неопределенность того, истинно высказывание или ложно (в большинстве случаев высказывание относится к будущему, хотя это не обязательно).

(20) *Ku-d'ü-mi*   *ña-mtu*   *ḡətə-lī?*
какой-спец-1DU   товарищ-ACC.3SG   найти-DUB

‘Теперь кто из нас [первым] другого найдет?’ (28: 13).

---

⁵ В нарративе рассказчик, очевидно, предвидит действия персонажей, и, если за вопросительной репликой в диалоге следует ответ, можно предполагать (кроме случаев намеренного создания эффекта неожиданности), что эта реплика была построена так, чтобы повлечь за собой ответ. В этом отношении диалоги внутри нарратива являются более удобным объектом для изучения, чем обычные (реальные) диалоги, в которых всегда приходится считаться с возможностью неожиданной реакции собеседника.

- (21) *Əi, hojma-t'ü?   ñetj-rj-lj-rjaj'.*
 ой   бокарь-ACC.PL.2PL   намокнуть-CAUS-DUB-2PL.S.EXCL
 ‘Эй, осторожно, бокари не намочите’⁶ (6: 35).

Дубитатив в сочетании с отрицательным глаголом также часто используется для выражения утверждения, истинность которого сама собой разумеется. Ср. пример (22д) и предшествующий ему диалог (форма *ñihiaðəə ñəðə'* из предложения (22в) будет обсуждаться чуть ниже).

- (22) а. «*Ou, tə,   ñüə-gəi-ñə   d'aŋku-gəəj!*
 INTERJ   PTCL   ребенок-DU-1PL   нет-3DU.S
 ‘Оу, сыновей моих [давно] нет’.
- б. *Ñüə-mtə   mütə-nandu-tu-m.*
 сын-ACC.2SG   отправить-VOL-PRAES-1SG.S
 ‘Твоего сына я хочу отправить’.
- в. *Ñi-hiaaðəə   ñüə-gəi-nə   d'ürimj   ñəðə-?.*
 NEG-IRREAL   ребенок-DU-GEN1PL   новость   найти-CN
 ‘Узнал бы он, где мои дети там’.
- г. *Tə-tə,   təl'ibti-kəə-rə,   konj-[?]sjətə   i-hua».*
 PTCL   спросить-ADM-2SG.O   пойти-FUT   быть-RENARR.INTERR
 ‘Давай, спроси его, пойдет он или нет’.
- д. «*Tə-tə,   tə   mənə   mütəmə-bü-tə   konj[?]*
 PTCL   PTCL   я   отправить-COND-2SG   пойти-CN
ñi-lj-m   əhij», —   tjbijkia   munu-ntu.
 NEG-DUB-1SG.S   PTCL   мальчик   говорить-PRAES
 ‘Ну если ты меня отправляешь, конечно, пойду, — говорит мальчик’ (4: 68–72).

В примере (23) тот факт, что долгане сильные, известен из предшествующего сюжета.

- (23) *Təbtə ad'a[?]   təŋkəgəikia-[?]   ñi-lj[?]   ñua-[?],*
 тоже   долганин-PL   сильный-PL   NEG-DUB-3PL.S   быть-CN
ñukəgəi-rbi[?]a-gümü-[?].
 много-AUGM-EMPH-PL
 ‘Они вообще сильные, их много же’ (4: 187).

⁶ По употреблением такого типа эта форма была названа прохибитивом в [Хелимский 1994].

Кажется, что если в конструкциях с интеррогативом отрицательный глагол обычно стоит перед смысловым глаголом, то с дубитативом он склонен ставиться после, см. пример (22д), что очевидно параллельно ненецким и энецким конструкциям (Раздел 3); впрочем, постановка отрицательного глагола в дубитативе перед смысловым тоже возможна, как в (23). Для риторических вопросов-утверждений с дубитативом особенно характерна частица *əhi*, как в примере (22д).

Еще одна форма нганасанского глагола, меняющая истинностное значение высказывания, — это ирреалис, указывающий на то, что соответствующая предикация ложна, ср. примеры (24)–(25).

- (24) *Tə tənə komənu-ntə bənsə-ruʔ ni-hiaadə-riʔ tu-ʔ.*
 PTCL ты помимо-2SG весь-2PL NEG-IRREAL-2PL прийти-CN
 ‘Если бы не ты, вы все бы не приехали’ (25: 735).

- (25) *Ńüə-ʔkü-nə koməni əmlədʔi nilu-tə*
 ребенок-DIM-GEN.1SG помимо такой жизнь-LAT
tʔüi-baadəi-nə maə, ni-hiaadəi-nə ɲəndiaiʔ.
 дойти-IRREAL-1SG.R что NEG-IRREAL-1SG.R наврное
 ‘Без моего сына я до такой [хорошей] жизни дошел бы? Наверное, не [дошел] бы’ (20: 117).

Помимо этого, нганасанский ирреалис может употребляться в значении мягкого побуждения (что типологически характерно для таких форм [Гусев 2013: 153], ср. русское *Ты бы позвонил отцу*):

- (26) *Miŋ nili-ti-tə-niʔ təniʔa ɲuʔəjtʔəni medi*
 мы жить-VN-LAT-1PL так вместе PTCL
naagim-küə-bi-ti kuniʔa iŋu,
 выздороветь-EMPH-COND-3SG как быть-INTERR
ɲuəjtʔənu nili-biaadə-ri.
 вместе жить-IRREAL-2DU
 [Твой дядя хочет выдать за тебя свою дочь. Что в этом плохого].
 ‘Пока мы живы, если вдруг она выздоровеет, вы бы вместе жили’
 (30: 248).

Оказывается, что отрицательный ирреалис также активно употребляется в утвердительных контекстах — на этот раз именно в значении мягкого императива. Подавляющее большинство таких употреблений — это формы 1-го лица единственного числа, выражающие намерение (о связи намерения и так называемых форм «1 л. ед. ч.

императива» с другими императивными формами см. [Гусев 2013: 255–260]), но встречаются формы и других лиц — см. следующие примеры, а также (22в) выше.

(27) *Lakariai[?] mil'isə təiŋu əmŋi.*
вдруг милиционер иметься-INTERR здесь

— *Təit'ü əmŋi.*
иметься-PRAES здесь

— *Təndə-[?]ə-mtj ŋi-hiaadə-m təl'ibti-[?]*
ТОТ-AUGM-ACC.3SG NEG-IRREAL-1SG спросить-CN

Munu-baadə-m: sɨlj ɣətə-ru-tuə?
сказать-IRREAL-1SG.S КТО найти-PASS-PT.PRAES

[В соседнем поселке нашли тело. У участницы диалога когда-то пропал брат, и она хочет узнать, не его ли нашли.] ‘Может быть, милиционер здесь. — Он здесь. — Его бы я спросила. Спросила бы, кого нашли’ (32: 121–124).

(28) *Tə, d'esj-δj munu-munu-t'ü: «Tə, ɣütüdamu-[?]ə*
ну отец-3SG говорить-AUD-3SG PTCL настать.осень-PF

tə[?]. D'eŋku-ŋü[?] maarai-ŋü[?] ŋi-hiaadə-mj[?]
ведь капкан-ACC.1PL что-ACC.1PL NEG-IRREAL-1PL

t'ia-[?]. Satəri-ŋü[?] ŋi-hiaadə-mj[?] huaru-[?]
поставить-CN пещец-ACC.1PL NEG-IRREAL-1PL заняться-CN

‘Ну, отец говорит: «Ну, настала осень. Капканы надо поставить. Песцов ловить надо’ (4: 4–6).

(29) *Tə, manuə tənə ɣaba-ŋe ŋinj-ŋe*
PTCL давний я старшая.сестра-PL.1SG старший.брат/PL.1PL

tuj-šüdə-[?]. Təti ŋi-hiaadəi-t'e kat'əmə-[?]
прийти-FUT-3PL ТОТ NEG-IRREAL-2SG.OP увидеть-CN

‘Теперь мои братья, сестры приедут. Ты бы с ними познакоми-лась’ (26: 704–705).

(30) *Ŋi-hiaadə mə-mə kat'əmə-[?] əhɨ.*
NEG-IRREAL чум-ACC.1SG увидеть-CN PTCL

Mamə kat'əmə-huaadə, kət'i tənə ŋim'sa[?]-sɨəd'ə-mə
чум-ACC.1SG посмотреть-IRREAL PTCL я упустить-PT.PRAES-1SG

təibə-[?] əku-tu.
иметься-CN наверное-PRAES

[Ко мне гость пришел.] ‘Пусть он мой чум посмотрит. Чум пусть посмотрит, может, что-то я забыл’ (31: 4–5).

По приведенным примерам видно также, что отрицательная и утвердительная формы ирреалиса могут употребляться параллельно, без заметной разницы в значении; при этом отрицательная форма идет обычно сначала.

С другой стороны, ирреалис (в том числе отрицательный) в императивном значении может употребляться параллельно с собственно императивом:

- (31) *Hüə-du təʔ beri-ʔə ʔandj̄t̄j̄,*
 год-3SG PTCL пройти-PF кажется
mou-du kəndj̄-ʔnia-lʔ-ə, ʔi-hiaa-δəə-mi
 земля-3SG замерзнуть-MULT-INCH-PF NEG-IRREAL-1DU.S
suəʔ-əʔ, suəʔ-ku-mi.
 аргишить-CN аргишить-IMP-1DU.S

‘Вроде бы уже год-то прошел, земля уже начала замерзать, нам бы надо аргишить, давай аргишить’ (14: 4).

2.4. Риторические вопросы без специализированных вопросительных форм

Несмотря на наличие специализированных вопросительных форм, иногда общие вопросы в нганасанском языке могут строиться и с обычными индикативными формами. Соответственно, и риторические вопросительно-отрицательные конструкции могут содержать невопросительные отрицательные формы. Их значение определяется только контекстом и, по-видимому, интонацией.

В первую очередь здесь надо сказать о именных конструкциях. Как было сказано, при именных формах употребляется неизменяемая отрицательная частица *ʔintuu* и вопрос отличается от утверждения только интонационно. «Риторические» употребления с именными формами тоже возможны, но поскольку в них нет маркера вопроса, то и риторическое утверждение не имеет формальных (сегментных) отличий от отрицания.

- (32) *Əmləd̄i ʔilu-kūm̄i tahariaa nʔintuu bəhia.*
 такой жизнь-то PTCL NEG плохой
 ‘Жизнь-то плохая’ (5: 42).

- (33) *ʔis̄j̄ma baarbə dʔebu-ʔki-ʔə-m, ʔis̄j̄ma.*
 Нисыма хозяин рассказать-RES-PF-1SG.S Нисыма

D'üriakə nintuu, Nisjma-gümü.
 ненец NEG Нисыма-то

‘Расскажу [сказку] «Нисыма баарба». Ненец ведь он, [этот] Нисыма-то’ (19: 4–5).

Поскольку именное предложение с отрицанием может быть и настоящим вопросом, оно, по-видимому, может иметь три различных интонационных контура: для утверждения («Дни не короткие»), для вопроса («Дни не короткие?») и для риторического вопроса («Дни ведь короткие»); впрочем, нганасанская интонация требует изучения, и мы не станем здесь делать каких-либо утверждений на этот счет.

Надо, однако, заметить, что в риторическом вопросе возможна инверсия вопросительной частицы: постановка ее после слова, к которому она относится (или, что то же самое, в конце предложения). Такой порядок, насколько известно, невозможен при утверждении, но возможен (хотя не обязателен) при риторическом вопросе.

(34) *Toljə ɣana'sa nintuu?*
 вор человек не

[Он вор, он, видать, лишь для обмана отдал мне аргиш, а потом он мой аргиш обратно выкрал.] ‘Не вор ли [такой] человек?’ (12: 1351).

Глагольные утвердительные формы настоящего и прошедшего времени индикатива, по-видимому, не могут употребляться в риторических отрицательных вопросах; во всяком случае, среди достаточно большого количества их употреблений с отрицанием риторических вопросов не встретилось. Что же касается употребления в риторическом отрицательном вопросе утвердительной формы будущего времени, оно не очень частотно, но возможно.

(35) *Dahu-rə kuni-t'e-tə inšüdətə ɣana'sa,*
 старшая.сестра где-EMPH-AVL.ADV едущий.на.нартах человек
ni-sidi-t'i tədu-ʔ.
 NEG-FUT-3SG.OP привезти-CN

[Вызови своих оленей.] ‘Твоя сестра ведь хорошо управляет упряжкой, она приведет их’ (15: 753).

(36) *Tə büü-gü-ni, ɣera'a-güə ɣuə-ɟi ni-sjə*
 PTCL пойти-IMP-1DU вперед-то небо-3SG NEG-FUT
ɣünia-mj-ʔ, mintiagiʔ maagiə ɣana'sanə
 теплый-ФАКТ-CN наверное что-то человек.ACC

ŋəðə-tə-tu-mi.

найти-FUT-PRAES-1DU

‘Ну, пойдём, скоро ведь уже потеплеет, может быть, встретим каких-нибудь людей’ (23: 249).

Отрицательный ирреалис, помимо императивных употреблений, рассмотренных в предыдущем разделе, может употребляться в риторических конструкциях и в своем прямом, контрфактическом значении.

(37) *Təti-rə bjdj-ʔ tajŋiə kəi-tə*
 тот-2SG вода-GEN.PL противоположный сторона-LAT

konj-dʲi d'esj-mə ŋəndiaiʔ koda-ʔa,
 пойти-INF отец-ACC.1SG наверное убить-PF

maa nɨlj-tjə-güə ʎi-hiaadəə tuu-ʔ əhʲ.
 что жить-PT.PRAES-TO NEG-IRREAL прийти-CN PTCL

‘Он, наверное, поехал на тот берег и убил моего отца; был бы отец живой, наверное, пришел бы’ (33: 220).

Императивные (собственно императив, императив будущего времени, оптатив) и эвиденциальные (инференциал, цитатив, аудитив) формы в риторических отрицательных вопросах, насколько известно, не употребляются.

2.5. Схожие конструкции в энецком языке

О. Ханина и А. Шлуинский [Khanina, Shluinsky forthc., пример 47] сообщают, что в тундровом энецком широко, а в лесном — изредка употребляются отрицательные конструкции в утвердительном контексте «с дополнительным модальным оттенком»:

(38) *tʃi lapka-do nʲe-biʔ kane-do-ʔ*
 здесь магазин-DAT.SG NEG-1DU пойти-FUT-CN

bese-ku-zi-niʔ pe-goa-iʔ
 деньги-DIM-DEST-PL.1DU попросить-ADM-1DU

‘Поскольку мы собираемся в магазин, давай попросим денег’.

В энецком языке встречаются примеры типа (39), относящиеся к прошедшему времени; в этом случае они имеют показатель вопроса эн. Т *-ba*, эн. Л *-si*:

- (39) *abure-jʔ i-ba die-ʔ*
 голова-1SG NEG-INTERR.PRAET болеть-CN

‘У меня же голова болела’ [поэтому пошла за водкой к соседям]
 (пример IP_VP100810VP_RAZZRA_048 из [Khanina, Shluinsky
 mscr. a]).

Обычное значение таких конструкций, судя по примерам, — объяснение неких иных действий путем апелляции к известным фактам. Очевидно, что примеры типа (39) по значению схожи с рассмотренными выше нганасанскими. Что касается примеров типа (38), то, поскольку в энеком языке особая интеррогативная форма существует только в прошедшем времени, легко предположить, что они также по своей природе вопросительные, но вопросительность эта не выражена из-за отсутствия показателя — аналогично нганасанским конструкциям, рассмотренным в *разделе 2.4*.

2.6. Отрицательные риторические утверждения

Логично задать вопрос: если отрицательно-вопросительные конструкции выражают риторическое утверждение, то как выражается риторическое отрицание? Можно было бы ожидать, что оно будет выражаться соответственно положительным вопросом, т. е. просто вопросительной формой без отрицания (например, конструкция «пришел ли он?» могла бы означать «как известно, не пришел»).

Это, однако, не совсем так. Сами по себе вопросительные формы не используются для отрицательного риторического утверждения. Однако вполне распространены формулы с вопросительными словами типа *maa* ‘что’, *kuniʔa* ‘как; куда’, *kuniɔ* ‘откуда’ и другими; причем *maa* часто употребляется плеонастически.

- (40) *Maa nimbjə ho-ŋi-miʔ, maa-gəlʔə nimbj-ŋiʔ*
 что старый иметь-INTERR-1PL что-EMPH старый-PL.1PL
šüdʔa-ʔa-ʔ.
 кончиться-PF-3PL.S

‘Какие старики у нас есть, никаких стариков не осталось’ (8: 140).

- (41) *D'ürjmi-küə-rə maa kuntəgu i-t'e-ŋu.*
 сказка-то-2SG что долго быть-FUT-INTERR

‘В речи (сказке) разве долго бывает (рассказывать недолго)’ (29: 519).

- (42) *Uškanaŋku maa mou d'eru-ŋu, bəjkaʔa?*
 Ушкананку что земля не.знать-INTERR старик
 ‘Ушкананку всю землю знает, [потому что он] старик’ (16: 18).

- (43) *Tə təti anikaʔa baarbə maa himsədi-tə-ŋi*
 PTCL тот большой хозяин что не.заметить-FUT-INTERR
mii təʔ?
 мы.DU PTCL
 ‘Этот большой хозяин как может нас не видеть (не заметить)?’
 (11: 95).

Отрицательные формы в этой конструкции тоже возможны.

- (44) *T'üüña-ʔi-t'üŋ hənati-ʔa-ʔ meŋdadi-ʔa-ʔ.*
 спальный.мешок-AUGM-PL.3PL огромный-AUGM-PL новый-AUGM-PL
Kuniʔa hi-ntə-ŋi heku-ʔ tərədi-ʔa-gümü.
 как NEG-FUT-INTERR быть.тепло-CN такой-AUGM-TO
 ‘Спальные мешки у них большие, новые. Как не будет тепло в таком?’ (13: 381–382).

- (45) *D'ürjmi-tə tətu-d'a maa hi-ŋi-ŋ*
 весть-ACC.PL.2SG принести-INF что NEG-INTERR-2SG.S
t'ii-ʔ əhi?
 войти-CN PTCL
 ‘[Раз] ты новости принес, почему бы тебе не зайти?’ (14: 245).

Иногда в такой конструкции может употребляться невопросительная форма будущего времени:

- (46) *Əmti mou-gümü-mtü katəmə-ku-mə mənə*
 этот земля-то-ACC.3SG посмотреть-IMP-1SG.O я
ədəəʔ, təbtərja maa d'ügu-ʔsudə-m,
 PTCL все.равно что заблудиться-FUT-1SG.S
hi-sjə-m d'üku-ʔ.
 NEG-FUT-1SG.S заблудиться-CN
 ‘Пойду посмотрю эту землю, всё равно как я заблужусь, не заблужусь’ (25: 524).
- (47) *Niŋi-güə-bi-ni maa kaŋə hi-sjə-mi ŋətəu-ʔ təʔ.*
 жить-то-COND-1DU что когда NEG-FUT-1DU.S встретиться-CN PTCL
 ‘Если мы будем живы, встретимся когда-нибудь’ (3: 207).

Этот способ менее грамматикализован, чем отрицательно-вопросительные формы, рассмотренные выше — связь с вопросами здесь гораздо более явна и, в отличие от отрицательно-вопросительных форм, рассмотренных выше, часто отражается в переводе. Отрицание здесь также возможно, как это видно по примерам. Тем не менее такие конструкции достаточно идиоматичны и употребляются намного чаще, чем, например, в русском языке. Стоит также упомянуть, что если отрицательно-вопросительные формы употребляются преимущественно в диалогах, то данные конструкции вполне характерны и для нарратива.

3. Клитика «эмфатического утверждения» в энецком и ненецком языках

Напомним, что в энецком и ненецком языках специализированная интеррогативная форма существует только в прошедшем времени (нен. *-ca*, в эн. Л *-sa/-si*, эн. Т *-ba*); в прочих временах и наклонениях вопрос выражается только вопросительным словом и/или интонацией⁷. Насколько нам известно, в этих языках не распространены вопросительно-отрицательные конструкции в значении утверждения, подобные рассмотренным выше нганасанским. Единичные примеры типа (48), которые нам удалось найти, укладываются в обычные рамки риторических вопросов и, по-видимому, не заслуживают того, чтобы считаться отдельной конструкцией:

- (48) *Менсы мана:* «*И-си-зу* *манн,*
 старуха сказать.AOR NEG-INTERR.PRAET-1SG.S сказать(-CN)
и-гури-д дязур камер кебуон,
 NEG-EMPH-2SG.S ходить(-CN) покойник вдоль

⁷ Такова традиционная точка зрения. Для ненецкого языка (как лесного, так и тундрового) С. И. Буркова убедительно показывает, что в современном языке аффикс *-ca* не связан жестко ни с вопросительностью, ни с прошедшим временем, и ее функции скорее «связаны с восполнением информации, недостающей для адекватной интерпретации ситуации как слушающим, так и говорящим» [Буркова 2013: 65]. Для энецкого языка подобного исследования на большом текстовом материале, насколько известно, проведено не было. Здесь мы будем придерживаться традиционного обозначения этого аффикса как «вопросительного» — во-первых, для краткости, а во-вторых, потому, что ее нынешние функции, вероятно, все же развились на базе вопросительного употребления [Там же].

çi-t недра-да.

ACC-2SG заставить.мерещиться-FUT

‘Старуха сказала: «Я тебе говорила: только не ходи около покойника, тебя чудить будет»’ [Сорокина 2005: 17, 18].

С другой стороны, в этих языках есть постглагольная клитика нен. *-m'*, эн. *-ти'*, которая сливается с личными окончаниями, претерпевая при этом ожидаемые морфонологические изменения. Это отмечает Н. М. Терещенко, говоря об «особых утвердительных частицах», с помощью которых «отрицательные предложения приобретают (...) характер утвердительных» [Терещенко 1973: 86]. И. Николаева в ненецком языке описывает эту клитику как отдельный аффикс и называет ее «дубитативной» [Nikolaeva 2014: 121]; О. В. Ханина и А. Б. Шлуинский в энецком языке предпочитают говорить об особой «контрастивной» серии личных окончаний [Шлуинский 2010; Khanina, Shluinski mscr. b], которые возникли из сочетания собственно окончаний с этой клитикой. Для краткости и чтобы подчеркнуть происхождение этой серии личных окончаний из сочетаний с самостоятельной единицей (см. об этом ниже), мы будем говорить здесь о клитике (или частице). Мы не будем обсуждать здесь целесообразность того или иного синхронного описания; заметим лишь, что эта клитика демонстрирует на морфемной границе сандхи внутрисловного, а не межсловного типа (применительно к энецкому аргументы за и против обоих вариантов описания разбираются в [Khanina, Shluinski mscr. b]).

3.1. Тундровый ненецкий

В ненецком языке клитика *-m' / -v'* («*m^oh*») ⁸ обладает следующими свойствами [Nikolaeva 2014: 121–123]:

- при личных формах глагола она меняет полярность на противоположную;

⁸ В цитируемой грамматике эта частица приводится с «назализованным» гортанным смычным, но в публикациях ненецких текстов она часто пишется с «неназализованным» смычным *-ʔ*, либо смычный вовсе опускается. В примерах ниже мы сохраняем орфографию источника; если, как это часто бывает, коннегатив и стоящий за ним отрицательный глагол с контрастивной клитикой написаны вместе, мы разделяем их в глоссах, а показатель коннегатива указываем в скобках.

- при употреблении с отрицательным глаголом (основным *ни-* или эмфатическим *ханя-* ‘как не’) она означает утверждение;
- утверждение, которое получается в результате, оказывается «somehow emphasized»;
- отрицательный глагол с этой клитикой может стоять после смыслового, что невозможно в обычной отрицательной конструкции;
- при любом порядке слов отрицательный глагол с этой клитикой не может быть отделен от смыслового другими словами, хотя обычный отрицательный глагол может отделяться;
- если речь идет о прошедшем времени, (отрицательный) глагол обязательно стоит в вопросительной форме, хотя высказывание не является вопросом;
- также эта клитика может употребляться в предположениях, альтернативных вопросах (либо просто при дизъюнкции типа ‘или’ в контекстах со значением предположения, которые очень напоминают альтернативный вопрос), с независимым условным деепричастием⁹, личной формой глагола или даже с именем [Nikolaeva 2014: 112, 268, 429–430], а также с формой так называемого «репутатива» *-мáна*, обозначающего «низкую вероятность действия» [Nikolaeva 2014: 105]¹⁰.

Употребление этой частицы заслуживает отдельного исследования, однако уже при беглом взгляде на тексты можно заметить, что конструкции с ней и отрицательным глаголом используются в основном в двух типах контекстов: а) при перечислении известных прошедших событий и б) при упоминании каких-то общих истин. И то и другое, разумеется, важно не само по себе, а как обоснование для некоего вывода; в этом выводе конструкция с клитикой *-м* уже не употребляется:

---

⁹ К употреблению с условным деепричастием ср. ниже сходные примеры (68) и (69) из тундрового энецкого языка.

¹⁰ Приводимые И. Николаевой формы, где эта клитика стоит перед лично-числовым показателем глагола [Nikolaeva 2014: 123], на самом деле ее не содержат и являются просто объектным спряжением императива, см. [Стенин 2015: 118]. Отметим также, что *-ти*² необходимо отличать от похожей на нее внешне и по значению клитики *-та*, «ассертивной», по терминологии [Nikolaeva 2014: 120–212]; однако эта последняя, напротив, никогда не употребляется с отрицательным глаголом и не меняет полярность высказывания. Здесь клитика *-та* не будет рассматриваться; см. об обеих клитиках специально [Буркова 2016; наст. сб.].

- (49) а. — *Пыд-хава-р Вэнеко-тя-р танияив,*
 2-EMPH-2SG собака-DIM-2SG иметься(-CN) NEG-CONTR
Вэнеко-тя-е-ми хада-ни-да-в,
 собака-DIM-PEJOR-ACC.1SG убить(-CN) NEG-3SG.O-CONTR
Вэнекомд тэмда-да-ва.
 собака-ACC.2SG купить-FUT-1SG.O
 ‘— У тебя-то **есть** твоя Собачка, мою Несчастную-Собаку
 [она] ведь **убила**. Куплю-ка твою’.
- б. — *Хэй! Вэнекотяеми пармко-тя-е-ми*
 ох собака-DIM спутник-DIM-PEJOR-1SG
нисяв уа,
 NEG-INTERR.PRAET-CONTR быть(-CN)
мань харвабта-на-вна-ни тэмда-уго-дакэ-р.
 я сильно.ХОТЕТЬ-PT.PRAES-PROL-1SG купить-FUT-PROB-2SG.O
 ‘— Ох! Она **мой товарищ**, но раз уж она тебе нравится,
 то купи ее’ [Пушкарева, Хомич 2001: 102–103].
- (50) — *Мани’ я-ха-ни’ хан-та-ни’.*
 мы.DU земля-GEN.1DU ехать-1DU.R
Ѕано-да-ва” хамада-угу-ни, ѳано-ва” ха
 лодка-DEST-1PL приготовить-FUT-? лодка-1PL уйти(-CN)
ни-ся-в.
 NEG-INTERR.PRAET-CONTR
 ‘— Поедем мы в свою землю. Лодку нам приготовьте, наша-то
уплыла’ [Пушкарева, Хомич 2001: 170–171].
- (51) *Пыдар хасава-нэ нер-ня-на*
 ты мужчина-ESS впереди-LOC-1PL?
ни-ся-на-в мэ-угу-”.
 NEG-INTERR.PRAET-2SG.R-CONTR идти-IMPF-CN
Маня” не-нэ пуда-угу-ва-ть.
 мы женщина-ESS быть.закрывающим-IMPF-1PL-PRAET
 ‘— Ты — мужчина, **впереди должен быть**. Мы, женщины,
 должны быть сзади’ [Пушкарева, Хомич 2001: 132–133].

Еще один, отличный от проиллюстрированных выше, но тоже объяснимый тип употреблений — это сообщение о событии, неизвестном собеседнику, но представляемом как естественное, само собой разумеющееся; в русском переводе в таких случаях часто стоят частицы типа *же, ведь*:

- (52) а. — *Сёмя-ко, яр-џа-н?*
 кукушка-DIM плакать-PRAES-2SG.S
 ‘— Ой, Кукша, плачешь?’
- б. — *Ханя-дм’ яр-”!* *Тёня-ко-р ню-ктя-хаю-ни*
 как.не-1SG плакать-CN лиса-DIM-2SG ребенок-DIM-DU-ACC.PL.1SG
ни-ся-в хана-”.
 NEG-INTERR.PRAET-CONTR забрать-CN
 ‘— Конечно, плачу! Лис двух детей моих ведь взял’.
- в. — *Амгэ хана-џа-хаю-да?*
 что забрать-AOR-DU-3SG.O
 ‘— Почему он их взял?’
- г. — *Вада-внтъ ни-ся-ю-да-в хана,*
 вырастить-SUP NEG-INTERR.PRAET-DU-3SG.O-CONTR забрать(-CN)
ню-да-нда.
 ребенок-DEST-GEN.3SG
 ‘— Он взял их вырастить’.
- д. — *Хэй! Хадрю сала-на-н=ню.*
 хэй какой глупый-PT.PRAES-2SG=EMPH
Ня-р ни-хию-да-в џав-”.
 товарищ-2 NEG-DU-3SG.O-CONTR съест-CN
амгэ-да-нда вадаба-џу-ю-да.
 что-DEST-GEN.3SG растить-FUT-DU-3SG.O
Нянд Тёня амгэ-вна тэва-џу,
 к-2SG лис что-PROL добраться-FUT
ня-’ мал-хана мэ-на-н=ню.
 дерево-GEN конец-LOC находиться-PT.PRAES-2SG.S=EMPH
 ‘— Хэй! Какая же ты глупая! Он же их съел, зачем ему их растить? Как до тебя Лису добраться, ты же на верхушке дерева находишься’ [Пушкарева, Хомич 2001: 152–153].

По-видимому, сюда же относится распространенная эмфатическая частица *ни*’ (*ню*”/*ню*’/*ню*; ср. примеры (52е–д)); см. о ней [Урманчиева 2015]. Мы полагаем, что эта частица восходит к сочетанию 3-го лица отрицательного глагола с контрастивной клитикой (*ni-w*’). Она была заимствована из ненецкого (или, возможно, из тундрового энецкого) в нганасанский язык в форме *niiu*”/*niiu*”²; в нганасанском она не имеет внутренней формы.

Наконец, по текстам легко заметить, что эта же конструкция часто употребляется с глаголом *ман-* ‘сказать’, вводящим прямую речь; ср. пример из первого же абзаца первого текста сборника [Лар, Пушкарева 2001: 19, 156]:

- (53) *Тадхав Нум Вэсоко-р ма-ни-в:* <...>
 тогда Нум старик-2SG сказать(-CN) NEG-CONTR
Ѓа ма-ни-в: <...>
 Нга сказать(-CN) NEG-CONTR
 ‘Старик Нум говорит: <...> Нга отвечает: <...>’

Это употребление выбивается из общего ряда: факт прямой речи персонажа является новой информацией и никак не следует из предыдущего текста. Аналогичное употребление есть в энецком языке, и в *разделе 3.3* мы попытаемся дать ему объяснение.

Нетрудно заметить, что употребление частицы *-м* в ненецком языке во многом параллельно нганасанским вопросительно-отрицательным конструкциям как в целом, так и в некоторых частностях. Как и в нганасанском, эта частица присоединяется в основном (или исключительно) к отрицательному глаголу, и в результате получается утвердительное высказывание. Как и в нганасанском, это утверждение не сообщает что-то новое, но напоминает об известных фактах либо представляет новые факты как само собой разумеющиеся. В нганасанском эти конструкции обычно содержат вопросительную форму (или другую форму со снятой утвердительностью). В ненецком показатель *-са* встречается только в части употреблений. Однако если мы вспомним, что *-са* исходно является показателем вопроса в прошедшем времени, а в настоящем и прочих временах и наклонениях вопрос морфологически не маркируется, то — как и про энецкие конструкции в *разделе 2.5* — естественно будет предположить, что и в настоящем времени данная конструкция тоже ранее являлась вопросом; в противном случае появление *-са* оказывается необъяснимой идиосинкразией.

В нганасанском, насколько известно, нет параллелей употреблению клитики *-м* с независимым условным деепричастием и «репутативом»; однако легко заметить, что и эти контексты (альтернативного вопроса и низкой вероятности действия) предполагают снятую или ослабленную утвердительность. Однако инвертирования полярности в этом случае не происходит.

Наконец, параллельна нганасанскому и возможность постановки отрицательного глагола с этой клитикой после смыслового глагола.

3.2. Лесной ненецкий

Для лесного ненецкого языка употребление клитики *-в/-м* описано С. И. Бурковой (в работе [Буркова 2008] она называется вопросительным аффиксом). В настоящем времени (т. е. без аффикса вопросительного прошедшего времени *-śa*) оно не отличается от того, что мы видели в тундровом ненецком: частица обозначает «экспрессивно усиленное утверждение», т. е., в наших терминах, заведомо истинное утверждение:

- (54) *A! Каду-уди-мта нючу-уди... ни-в ну-”,*
 а нож-DIM-ACC.3SG маленький-DIM NEG-CONTR быть-CN
шепта мюня ну-шту-” ни-в. Чики-мта ко-уа.
 карман в быть-НАВ-CN NEG-CONTR тот-ACC.3SG найти-AOR
 ‘А! Ножичек малюсенький... ведь был (ножик), в кармане у него был. Нашел он его’ [Буркова 2004: 160].

В цитируемой работе совсем не упоминаются сочетания контрастной клитики с вопросительным аффиксом *-sa*. Неясно, отсутствуют ли такие сочетания вообще или они не встретились из-за своей относительной редкости, помноженной на относительно небольшой объем лесных ненецких текстов.

Интересной особенностью лесного ненецкого является, по данным той же работы, идиоматическое употребление вопросительно-отрицательных форм без контрастной частицы, но обязательно с инвертированным порядком слов. Как утверждается, она выражает пробабилитив, т. е. «предположение, основанное на логическом выводе или общих знаниях говорящего» [Буркова 2008: 106], — соответственно, в прошедшем (с аффиксом *-śa*) или не-прошедшем (без этого аффикса) времени.

- (55) *Амама-’куте-хэна, ката-хэна кэ-шту-”*
 бабушка-DIM-LOC бабушка-LOC уйти-НАВ-CN
ни-ша-н-”э таянэ.
 NEG-INTERR.PRAET-2SG.S-EMPH туда
 [Сейчас мне тетка говорит: «С кем бы еще ты туда ходила?»] ‘С бабулей, с бабушкой, наверное, ходила’ [Буркова 2008: 134, 137].
- (56) *Ня-хатё-й” тамна нюча-хаң ны-”*
 родственник-DU-1DU еще маленький-3DU быть-CN

ни-ша-хаң — план тамна ни-хиң-и мэс
 NEG-INTERR.PRAET-3DU план еще NEG-3DU.R-PRAET взять.CN

‘Братья, видимо, были еще молодыми — план им еще не давали (букв.: план еще не брали они)’ [там же: 116].

3.3. Лесной энецкий

В энецком языке клитика, соответствующая ненецкой *-м*’, имеет глубинный вид *-ми*’ и присоединяется к личным окончаниям. Ее употребления немного различаются в лесном и тундровом диалектах.

В лесном энецком образование и употребление контрастивной серии личных окончаний было специально — и, насколько нам известно, впервые — описано А. Б. Шлуинским [2010]; в грамматике Ф. Зигля эти окончания рассматриваются вместе с предшествующими им суффиксами [Siegl 2013: 290–297].

По большей части эта серия употребляется аналогично ненецкой: с отрицательным глаголом в настоящем времени и в интеррогативе прошедшего времени с инвертированной полярностью для «напоминания слушающему известной ему информации» и маркирования «самоочевидных» истин; порядок смыслового и отрицательного глагола может инвертироваться, ср. примеры из [Шлуинский 2010: 288].

(57) *kunⁱ d’ut-da-u, nenda n’ie-zu? d’iri-?*
 как избить-FUT-1SG.O он.LOC NEG-1SG.S.CONTR жить-CN

‘Как же я ее избью? Я же с ней живу (как ты знаешь)’.

(58) *f’iki-ij’ bazi-f’ tara-? ni-u?*
 этот-ESS рассказывать-INF нужно-CN NEG-3SG.S.CONTR

‘Об этом, конечно же, нужно рассказывать!’

В качестве третьего типа употребления в статье упоминается «маркирование фоновых пропозиций», см. примеры (59) и (60) отсюда же:

(59) *tɔɔ-j ɲa ɲa-? ni-u?*
 лето-ADJ небо быть-CN NEG-3SG.S.CONTR

‘А погода ведь летняя’ (в тот момент, когда происходили описываемые события).

(60) *d’uk saxar-ʔu tɔ d’od’i-gon*
 кусок сахар-N.PL сюда время-LOC.SG

i-si-mʔ

NEG-INTERR.PRAET-3PL.S.CONTR

tənie-ʔ

иметься-CN

‘А сахар ведь в то время был кусковой’.

«Фоновую пропозицию» не всегда просто отделить от «известной информации»; во всяком случае, для этого нужен достаточно широкий контекст. Так, в примере (60) не очевидно, считает ли рассказчик информацию о том, что сахар в описываемое время был только кусковой, известной слушателям или новой для них. Есть, впрочем, примеры, когда сообщаемая информация, очевидно, неизвестна слушающему, как в следующем примере:

- (61) *Ңа буси-д нурзе дязу-ць мана:*
 небо старик-LAT обратно идти-INF сказать.AOR
«Оу, модь у нэ-д бази-нь»
 о я ты к-2SG слово-PL.1SG
и-си-м тонэ, чикинь
 NEG-INTERR-3PL.S.CONTR иметься(-CN) этот-PL.1SG
кичи-би-н дюрта.
 чуть.не-PF-1SG.OP забыть(-CN)

‘К царю обратно возвращаясь, он сказал: «Ой, у меня ведь к тебе слова имелись, эти чуть не забыл я» [Сорокина 2005: 227, 229].

Ф. Зигль приводит два примера отрицательной конструкции со значением (неуверенного) утверждения и к тому же с отрицательным глаголом, стоящим после смыслового, но без контрастивных окончаний [Siegl 201: 297]:

- (62) *бу щенију то-ʔ i-si*
 он вчера прийти-CN NEG-INTERR
 ‘Он, наверное, вчера приехал’.

Такого рода употребления, очевидно, объединяют лесной энецкий с лесным ненецким языком — см. примеры (55) и (56).

Кроме того, контрастивные окончания употребляются с пробабилитивом и с интеррогативом для выражения предположения без инверсии полярности; впрочем, с интеррогативом такие употребления маргинальны. С отрицательным глаголом употребления второго типа также возможны; таким образом, отрицательная контрастивная конструкция в прошедшем времени может иметь фактически противоположные значения, означая либо (редко) «скорее всего, нет», либо (обычно) «конечно, да».

Отметим еще характерный случай второго типа употребления контрастивных окончаний — параллельно в утвердительной и отрицательной конструкциях для выражения неизвестности («может, да, а может, нет»; [Шлуинский 2010; Khanina, Shluinski mscr. b]).

Наконец, как и в ненецком языке (см. пример (53)), конструкция с инвертированным отрицанием регулярно используется с глаголом ‘говорить’, вводящим прямую речь:

- (63) *ku-xuru, man-ʔ ni-mʔ, nie-raʔ diazu-r-ʔ*
 куда-емрн сказать-CN NEG-3PL.S.CONTR NEG-IMP.2PL.S идти-MULT-CN
 ‘Никуда, они сказали, не ходите!’

3.4. Тундровый энецкий

Употребление контрастивной серии окончаний в тундровом энецком языке кратко описано в [Khanina, Shluinski mscr. b]. В отличие от лесного, в тундровом их употребление с пробабилитивом невозможно, а с настоящим и прошедшим временем возможно только с отрицательным глаголом. Иными словами, с личными формами они употребляются только в отрицательных конструкциях с инвертированной полярностью. Значение этих конструкций такое же, как было описано выше для других северосамодийских языков, — это информация, которая полагается известной либо само собой разумеющейся, ср. примеры (64) и (65) из текста «Солда», предоставленного в наше распоряжение А. Ю. Урманчиевой, а также (66) и (67) из неопубликованного энецкого словаря Е. А. Хелимского:

- (64) *Noo-da kane-da-ɔɔʔ, enet'eʔ*
 место.возле[-LAT.ADV]-3SG пойти-FUT-PRAES-1SG.S человек
ni-uʔ aʔ, d'uroi-da-ɔɔʔ.
 не-3SG.S.CONTR быть-CN говорить-FUT-PRAES-1SG.S
 ‘Пойду к нему, все же человек, поговорю’.

- (65) *Mod'i ude-n'iʔ n'i-e-ɔɔ-uʔ soode-ʔ,*
 я рука-ACC.PL.1SG не-PRAES-2SG.OP-CONTR видеть-CN
toto t'io-de-o-ʔ.
 тоже полететь-FUT-PRAES-1SG.R
 ‘Ты же видишь мои руки, я тоже полечу’ (т. е. крылья; говорит чайка).

(66) *ixuto-de i-ba-u[?] a-[?]*
 курить-PT.PRAES NEG-INTERR.PRAET-[3SG.S]-CONTR быть-CN
 ‘он был [ведь] курящим’

(67) *i-ba-u[?] kane-[?]*
 NEG-INTERR.PRAET-[3SG.S]-CONTR уйти-CN
 ‘ведь/же ушел’

Кроме того, окончания, идентичные контрастивным, могут присоединяться к условному деепричастию и употребляться аналогично тому, как это происходит в тундровом ненецком языке (примеры (68) и (69) взяты из работы [Khanina, Shluinski mscr. b]):

(68) *modi[?] tam-obi-z?, ŋu tea-dia miɫa*
 я сказать-НАВ-1SG.S один олень-РЕЖОР почему
edu-za mɔrusuj a-bu-tu-m[?]
 рога-PL.3SG сломанный быть-COND-3PL-CONTR
 ‘Я думаю: почему у оленя рога сломаны?’

(69) *mɔtu[?] sɔburegɔ a-bu-ta-u[?] mɔtu[?]*
 шесть пять быть-COND-3SG-CONTR шесть
a-bu-ta-u[?] sɔburegɔ niɔ-jedi[?] modi[?]
 быть-COND-3SG-CONTR пять ребенок-1SG.ANT я
 ‘Шесть или пять их было; шесть, наверное; пять детей у меня было’.

Наконец, в тундровом энецком схожие элементы могут сочетаться с именами и финитными формами глагола, однако, как указывается в той же работе, такие употребления очень маргинальны:

(70) *nɔni[?] kunad'-u[?] ne teza-d-[?]*
 я.LAT как-CONTR NEG.3SG.S дать-FUT-CN
 ‘Как это он мне не даст’.

(71) *teŋi[?]ɔ-xɔ[?] baxu[?]ɔ-xɔ[?] mɔna-[?]*
 думать-3DU.S старик-DU сказать-3PL.S
ɔu siɔ-zɔ-ba[?] toa-u[?]
 о кто-DEST-1PL прийти.3SG.S-CONTR
 ‘Старики подумали: «Кто это к нам пришел?»’

3.5. Употребление контрастивной серии окончаний в ненецком и энецком языках: обсуждение

Итак, в ненецком и энецком языках существует устойчивое употребление отрицательной конструкции с особыми личными окончаниями (или, этимологически, в сочетании с особой клитикой¹¹). В прошедшем времени эта конструкция требует вопросительной формы, и это позволяет предположить, что и в настоящем времени она исходно была вопросительной, что не выражено формально просто из-за отсутствия в настоящем времени специального показателя. В этом случае ненецко-энецкая конструкция оказывается очень близка нганасанской за тем исключением, что в ненецком и энецком она обычно употребляется лишь в сочетании с данной частицей (хотя в энецком возможна и без нее, ср. *раздел 2.5*), а в нганасанском формально ничем (кроме иногда порядка слов) не отличается от обычных вопросов.

Однако конструкция риторического вопроса является хотя и основной, но не единственной областью употребления этой клитики. Другие случаи ее употребления различаются по языкам, но всегда это контексты снятой или, во всяком случае, ослабленной утвердительности. (Заметим, что некоторые из этих контекстов не особенно частотны, поэтому мы не можем быть уверены, что в тех языках и диалектах, где они не были зафиксированы, они невозможны.) При этом кажется, что клитика ничего не добавляет к значению контекста, разве что, возможно, усиливает его, но об этом трудно судить. В некоторых случаях (как в вопросах-предположениях в тундровом ненецком) она не обязательна. В других случаях, например при пробабилитиве в лесном энецком, она, напротив, обязательна, но форма эта значит то же, что пробабилитив в тундровом энецком, который с ней сочетаться, наоборот, не может.

Все указывает на то, что изначально эта клитика была самостоятельным (хотя, судя по сандхи, тесно примыкающим к предшествующему

---

¹¹ Эта клитика очевидно этимологически тождественна; для общененецко-энецкого состояния ее можно реконструировать как **mi*[?] (хотя в отношении гласного возможны и другие варианты). Дальнейшая реконструкция требует внешних сопоставлений, особенно учитывая трудности в определении «качества» гортанного смычного в ненецком, т. е. того, «назализованный» он или нет.

слову) элементом со значением неуверенности, низкой вероятности, снятой утвердительности. Частично, в разных контекстах и/или идиомах, она сохранила свою самостоятельность до сих пор — это редкие сочетания с финитными глагольными формами или с именами. В других контекстах она стала обязательной либо, наоборот, невозможной (как в пробабилитиве в энецком тундровом языке). В частности, она грамматикализовалась в риторических вопросах. Как показывает гнасанский материал, использование отрицательных вопросов для выражения заведомо истинного утверждения характерно для всего северосамодийского ареала; однако в ненецко-энецкой его части после грамматикализации клитики **-mi*[?] эти конструкции стали отличаться от обычных вопросов и формально.

Употребление контрастивной конструкции при введении прямой речи заслуживает отдельного обсуждения — см. об этом *раздел 4.3.*

4. Самодийские языки на типологическом фоне

4.1. «Внутреннее» и «внешнее» отрицание в вопросах

Риторическим вопросам, их семантике и внешним признакам посвящена обширная литература. В работе [Ladd 1981] было предложено разделение на вопросы с «внутренним» и «внешним» отрицанием («inner negated polar questions» и «outer negated polar questions»); см. также [Büring, Gunlogson 2000; Venhuizen 2011] и др.): в первом случае говорящий предполагает факт *не-Р* и задает вопрос, чтобы подтвердить или опровергнуть свое предположение, во втором — предполагает *Р* и просит подтвердить его. Р. Ладд отмечает, что в английском эти два типа вопросов формально не различимы. Однако в других языках они могут различаться. В [Büring, Gunlogson 2000: 4] отмечается, что в немецком языке в случае «внешнего» (риторического) отрицания возможно сочетание *nicht ein*, которое во всех прочих случаях должно заменяться на *kein*:

- (72) а. *Gibt es kein vegetarisches Restaurant in dieser Ecke?*
 ‘Здесь нет поблизости вегетарианского ресторана?’
- б. *Gibt es nicht ein vegetarisches Restaurant in dieser Ecke?*
 ‘Неужели здесь нет поблизости вегетарианского ресторана?’

В [Hackstein 2016: 158ff.] отмечается, что в древних индоевропейских языках при «внешнем» отрицании отрицательная частица выносится вперед. Подобные наблюдения применительно к другим языкам делаются в [Romero, Nan 2004: 613–616] и в [Munshi, Bhatt 2009].

В рассмотренном в *Разделе 2* нганасанском (и в небольшой степени энецком) материале в качестве признака, отличающего риторическое отрицание от «обычного», можно назвать возможность постановки отрицания после того слова, к которому оно относится. Однако такое изменение порядка слов не обязательно, и риторические вопросы могут ничем не отличаться от обычных. Что же касается ненецкого и энецкого материала, рассмотренного в *Разделе 3*, то в нем маркером риторического вопроса служит (почти обязательная) частица **miʔ*.

Северосамодийские языки могут быть не уникальны в отношении грамматикализации риторических вопросов даже на сибирском фоне. В тунгусских языках Амура есть конструкция, которая полностью совпадает или очень похожа на сочетание отрицательной формы глагола с частицей *-kə*; В. А. Аврорин в нанайском языке называет эту конструкцию «очевидным наклонением» [Аврорин 1961: 114–118]; С. А. Оскольская отказывает ей в статусе наклонения именно из-за ее материального тождества с отрицательными формами [Оскольская 2017: 134]. По употреблению, судя по примерам, эти сочетания очень напоминают северосамодийские вопросительно-отрицательные конструкции: это заведомо истинные утверждения, используемые, в частности, в «аргументативной» функции. Ср. примеры из [Аврорин 1961: 118]:

(73) *Ми ун-дэси-и=кэ: лиас тачиочи-ру*
я говорить-NEG-1SG=PTCL все.время учиться-IMP
‘Ведь я же говорю (твержу): все время учись!’

(74) *Си турим-бэ ба-раси-си=ка,*
ты зарплата-ACC получать-NEG-2SG=PTCL
хайми син-ду даха аба?
почему ты-DAT деньги нет
‘Ведь ты же зарплату получаешь, почему же у тебя денег нет?’

Подобные примеры указывают на то, что рассмотренные в этой статье факты могут заслуживать изучения и в ареальном контексте.

4.2. Аргументативное употребление отрицательных вопросов

Тот факт, что метаязыком при работе с северосамодийскими языками является русский, помогает увидеть очевидную параллель: легко заметить, что в русских переводах этих конструкций часто возникают частицы *же* и *ведь*. Именно для этих частиц, особенно для *ведь*, характерно, среди прочего, «аргументативное» употребление, и их толкования кажутся хорошо применимыми к части приведенных примеров; ср., например: «*Ведь* указывает на то, что вводимая информация, будучи адекватной, является одновременно релевантной для правильной интерпретации ситуации адресатом речи» [Бонно, Кодзасов 1998: 428], «...в основе *ведь* [лежит] идея: ‘Я знаю и считаю, что нужно это принять во внимание’» [Левонтина 2005].

4.3. Контрастивная форма, вводящая прямую речь

Отдельный любопытный вопрос представляет употребление отрицательно-вопросительной конструкции с глаголом ‘сказать’ (нен. и эн. *тап-*), вводящим прямую речь — см. примеры (53) и (63), а также нганасанский (19). Очевидно, это употребление уже следует считать идиоматичным; однако интересно, как оно возникло.

Е. В. Падучева отмечает, что вводный глагол речи «теряет коммуникативную значимость»; так, в первом из следующих двух примеров «повествователь рассказывает (разрядка автора. — В. Г.) нам о ментальном акте Дука», а во втором «тот же ментальный акт представлен читателю непосредственно — без посредничества повествователя» [Падучева 1996: 334]:

(75) а. *Дук решил, что надо наказать Анджелю за его жестокость.*

б. *Надо — решил Дук — наказать Анджелю за его жестокость.*

Т. Гюльдемманн [Güldemann 2008] пишет, что в конструкциях с прямой речью для вводящих ее элементов (в его терминологии «quotative indexes») не характерен статус ассертивного компонента. Можно было бы ожидать, что во фразе типа «Р, — сказал Х» предикат ‘сказал’ является вершиной высказывания и, соответственно, фокусом ассерции, но на самом деле это не так. Как демонстрируется на обширном

африканском материале и как это подтверждают данные других языков, для единиц, вводящих прямую речь, характерна грамматикализация, сопровождающаяся фонетической редукцией, с одной стороны, и потеря признаков финитного глагола («QIs lack a canonical predicativity» [Güldemann 2008: 57]) вплоть до полного опущения глагола, — с другой. Цель конструкций с прямой речью — не сообщить о том, что нечто было сказано, а представить само содержание прямой речи; по выражению Гюльдемманна, эти конструкции обычно «downplay the DESCRIPTION of the speech event and focus more on the PRESENTATION of the quote, or else on its source and/or addressee» ([Güldemann 2008: 516]; выделено автором). Подобные замечания делались и для английского языка: «The main focus here (в конструкциях с прямой речью. — В. Г.) is on the speaker's words. The reporting signal is added at the end. It signals that this is a report, but in a way which makes the signal less important than the quote» [Thompson 1994: 78–79].

Цитирование без вводящего его глагола речи легко продемонстрировать и на русском языке, ср. пример (76). Фонетическая редукция — во всяком случае, зафиксированная на письме — для русского языка менее характерна, но также возможна; ср., например, *грит* и *грят* из *говорит/говорят* (77); русские примеры здесь и далее — из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru):

(76) — *Нет его там, — спокойно и досадливо сказал парикмахер. — Он только что мимо меня проиёл, я спрашиваю: «Ты куда?» А он мне: «Не ложись. Сейчас принесу, пить будем»* (Ю. О. Домбровский. *Леди Макбет*).

(77) *Никита и в рот этого вина не брал, да и должность у него такая, чтобы всегда быть в аккурате. «Не могу, — grit, — ваше сиятельство...» «А ежели, — грят, — не можешь, так пошли кого поумнее себя»* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. *Клад*)

С другой стороны, неассертивный статус единиц, вводящих прямую речь, легко показать и с помощью обычного теста на ассертивность — подстановки отрицания. Фрагмент (78б) странен и во всяком случае не является отрицанием фрагмента с прямой речью в примере (78а).

(78) а. *Хлопнула дверь, и на крыльце появился мужчина в застиранной железнодорожной гимнастёрке. Я поинтересовался, как найти Сорокина. — Толик меня зовут, — сказал он.*

Я представился и ещё раз объяснил, что мне нужен Сорокин (Сергей Довлатов. Заповедник).

б. ?? — *Толик меня зовут, — не сказал он.*

Может показаться, что контрастивная форма глагола «говорить» противоречит общетипологической тенденции к сокращению показателей прямой речи. Однако ее можно трактовать и как способ убрать ассертивность. Кроме того, стоит вспомнить, что в ненецком языке глагол *тап-*, наряду с *хе-* ‘уйти’ и *һе-* ‘быть’, использует в контрастивной конструкции нерегулярный, сокращенный коннегатив: *та”* вместо *тап”* [Salminen 1997: 116]. Если два других глагола исторически представляют собой основы на глайды, то *тап-* относится к достаточно многочисленному классу основ на *-n*, которые в норме не демонстрируют морфонологических неправильностей. Сокращение **тап” һиw > та” һиw* можно объяснить именно фонетической редукцией, характерной для показателей, вводящих прямую речь.

5. Заключение

Как мы видели, в нганасанском, энецком и ненецком языках существует устойчивое употребление отрицания в сочетании с не-утвердительными наклонениями глагола (интеррогативом, дубитативом, ирреалисом) для выражения утверждения, которое полагается или предподносится как заведомо истинное. Разумеется, само по себе сообщение известной собеседнику информации не очень осмысленно, однако это естественный способ аргументации: апеллируя к тому, с чем собеседник заведомо согласен, говорящий обосновывает свои утверждения или действия. Это легко увидеть практически на всех приведенных выше примерах: все они (кроме употреблений контрастивной частицы с дееспричастиями и именами в ненецком и энецком языках, а также употребления ее с глаголом ‘говорить’ при введении прямой речи) предназначены для объяснения или обоснования чего-либо.

В нганасанском, тундровом энецком и в небольшой степени лесном энецком языках риторическая вопросительно-отрицательная конструкция, в отличие от буквального вопроса, допускает постановку отрицания после того слова, к которому оно относится. Однако такая

перестановка не обязательна, и риторический отрицательный вопрос может и не отличаться формально от «настоящего» вопроса.

Напротив, в ненецком и также энецком языках риторические отрицательные вопросы стали маркироваться особой частицей **mi*?. Как кажется, обязательность ее употребления падает при движении в самодийском языковом ареале от ненецкого языка, в котором она полностью обязательна, через лесной энецкий и тундровый к нганасанскому, в котором она вовсе не употребляется в этих конструкциях. Однако утверждение о ее обязательности в ненецком языке еще требует проверки на материале тундровых и лесных ненецких диалектов.

Отдельное, идиоматическое употребление риторической вопросительно-отрицательной конструкции развилось в ненецком и энецком языках с глаголом 'говорить' для введения прямой речи, что соответствует типологической тенденции к снижению ассертивности у таких конструкций.

Указатель нганасанских текстов

(1) ChND_041213_Hibula_fkd	(18) MVL_080304_TwoMeryde_fk
(2) DM-97_war1	(19) PKM_93_Njisyme_fk
(3) JDH_00_Njaakju_fkd	(20) TKF_031116_ShamanBoy_fkd
(4) JDH_060901_DolganChief_fkd	(21) TKF_031117_ThreeBrothers_fk
(5) JDS_16_Chiimi	(22) TKF_031118_Ostyak_fk
(6) JSM_080212_Hibula_fkd	(23) TKF_061102_Lakuna_fk
(7) KES_031115_Paris_nar	(24) TKF_061105_FoxFosterling_fk
(8) KES-ChND_080725_Childhood_conv	(25) TKF_061107_CowBogatyr_fks
(9) KES-SEN_031114_Dialog_conv	(26) TKF_99_TwoShamans_fkd
(10) KNT-KH_960810_Cure_conv	(27) TKF_990812_EvilSpirit_fkd
(11) KTD_86_BeturakuNy_fks	(28) TKF_990816_Lemming_fkd
(12) KTD_SeuMelangana_fks	(29) TKF_990816_Ngadjea_fk
(13) KVB_9709_OrphanDeity_fks	(30) TKF_990819_SomatuShaman_fkd
(14) MDB_91_TwoBrothers_fkd	(31) TKF_990823_Dolgans_nar
(15) MDB_91_TwoHuantie_fks	(32) TTD-ChND_080719_Dialog_conv
(16) MDN_97_War1_nar	(33) VL-08_siti-nguamde
(17) MVL_080303_TwoDolganBrothers_fk	

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADJ — адъективизатор; ADM — адмонитив (мягкий императив); ADV — «адвербиальный» показатель падежа (при

последелогах и наречиях); ALL — аллатив; ANT — «бывший»; AOR — аорист; AUD — аудитив; AUGM — аугментатив; CAUS — каузатив; CN — коннегатив; COMP — сравнительная форма; COND — условное деепричастие; CONTR — контрастивный аффикс; DAT — датив; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; DUB — дубитатив; EMPH — эмфатический показатель; ESS — эссив; EXCL — экскламматив; FACT — фактатив («становиться чем-л.»); FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; IMP — императив; IMPF — имперфектив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INFER — инференциал; INTERR — интеррогатив; IRREAL — ирреалис; ITER — итератив; LAT — латив; LOC — локатив; MULT — мультипликатив; NEG — отрицательный глагол; O — объектное спряжение (для единственного числа объекта); OP — объектное спряжение для множественного числа объекта; PASS — пассив; PEJOR — пейоратив; PF — перфект; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PRAET — прошедшее время; PROB — пробабилитатив; PROL — пролатив; PT — причастие; PTCL — частица; R — рефлексивное спряжение; RENARR — ренарратив; RES — результив; S — субъектное спряжение; SG — единственное число; SPEC — выделительный суффикс («который из»); SUP — супин; VN — отглагольное имя; VOL — волатив («хотеть»); нен. — ненецкий язык; эн. Л — лесной энецкий язык; эн. Т — тундровый энецкий язык.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Бонно, Кодзасов 1998 — К. Бонно, С. В. Кодзасов. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С. 382–443
- Буркова 2004 — С. И. Буркова. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка (пуровский говор) // Н. Б. Кошкарева, Н. Н. Широбокова (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 13: Экспедиционные материалы. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 149–162.
- Буркова 2008 — С. И. Буркова. Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого АО. 2008. Вып. 6 (58). С. 104–138.
- Буркова 2013 — С. И. Буркова. К вопросу о «вопросительной» форме *-sa* в ненецком языке // А. Е. Кибрик (отв. ред.), Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин (сост.). Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: МГУ, 2013. С. 46–65.
- Буркова 2016 — С. И. Буркова. О дискурсивных функциях энклитики *=ta* в тундровом и лесном ненецких языках // VI Международная конференция

- по самодистике памяти А. И. Кузнецовой (1932–2015): сборник тезисов. М.: ИЯз РАН, 2016. С. 13–15.
- Буркова наст. сб. — С. Ю. Буркова. О дискурсивных функциях энклитик *=ta* и *=m?* в тундровом ненецком языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI. Ч. 3. С. 29–52.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Лар, Пушкарева 2001 — И. А. Лар, Е. Т. Пушкарева. Мифы и предания ненцев Ямала. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2001.
- Левонтина 2005 — И. Б. Левонтина. Об одной загадке частицы *ведь* // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог-2005». М.: Наука, 2005. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2398/levontinai.pdf> (дата обращения 12.11.2020).
- Оскольская 2017 — С. А. Оскольская. Аспект в нанайском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2017.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Пушкарева, Хомич 2001 — Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Фольклор ненцев. Новосибирск: Наука, 2001.
- Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005.
- Стенин 2015 — И. А. Стенин. Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 91–133.
- Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.
- Урманчиева 2015 — А. Ю. Урманчиева. Сочетания ненецких глагольных временных форм с эмфатической частицей *нѣ* ~ *ню*: взаимодействие значений // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. Ч. 3. С. 755–773.
- Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Е. А. Хелимский (ред.). Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1: Материалы по нганасанскому языку и шаманству. М.: РГГУ, 1994. С. 190–221.
- Шлуинский 2010 — А. Б. Шлуинский. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка // С. И. Буркова (ред.). Материалы 3-й Международной конференции по самодистике. Новосибирск: Любава, 2010. С. 279–291.
- Bechmann 2010 — S. Bechmann. Rhetorische Fragen. München: AVM Verlag, 2010.
- Brykina et al. 2016 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nghanasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.1. Publication date 2016-12-23. URL: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0001-B36C-C> (дата обращения 12.11.2020).

- Büring, Gunlogson 2000 — D. Büring, C. Gunlogson. Aren't Positive and Negative Polar Questions the Same? URL: <http://hdl.handle.net/1802/1432> (дата обращения 12.11.2020).
- Grèssillon 1980 — A. Grèssillon. Zum linguistischen Status rhetorischer Fragen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 1980. Vol. 8. S. 273–289.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Gusev 2015 — V. Gusev. Negation in Nganasan // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 103–132.
- Hackstein 2016 — O. Hackstein. Negative Interrogatives and *Whatnot*: The Conversion of Negation in Indo-European // Indo-European Linguistics. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 150–189.
- Khanina, Shluinsky forthc. — O. Khanina, A. Shluinsky. Forest and Tundra Enets // D. Abondolo, R.-L. Valijärvi (eds.). The Uralic languages. Abingdon: Routledge.
- Khanina, Shluinsky mscr. a — O. Khanina, A. Shluinsky. Corpus of Enets texts. Manuscript.
- Khanina, Shluinsky mscr. b — O. Khanina, A. Shluinsky. Verbal inflection in Enets. Manuscript.
- Ladd 1981 — R. D. Ladd. A first look at the semantics and pragmatics of negative questions and tag questions // R. A. Hendrick, C. S. Masek, M. F. Miller (eds.). Papers from the 17th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1981. P. 164–171.
- Meibauer 1986 — J. Meibauer. Rhetorische Fragen. Tübingen: Niyemeyer, 1986.
- Munshi, Bhatt 2009 — S. Munshi, R. Bhatt. Two locations for negation. Evidence from Kashmiri // J. van Craenenbroeck (ed.). Linguistic Variation Yearbook 9. Amsterdam: Benjamins, 2009. P. 205–240.
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Pope 1976 — E. N. Pope. Questions and answers in English (Janua linguarum, Series practica. Vol. 226). The Hague; Paris: Mouton, 1976.
- Romero, Han 2004 — M. Romero, Ch.-H. Han. On negative yes/no-questions // Linguistics and Philosophy. 2004. Vol. 27. P. 609–658.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 267.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.
- Siegl 2014 — F. Siegl. The counterfactive mood in Forest Enets and its origin // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2014. Bd. 62. S. 184–206.
- Thompson 1994 — G. Thompson. Reporting (Collins COBUILD English Guides. Vol. 5). London: Harper and Collins, 1994.
- Venhuizen 2011 — N. J. Venhuizen. Negation in Questions. MSc Thesis. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2011.

References

- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
- Bechmann 2010 — S. Bechmann. *Rhetorische Fragen*. München: AVM Verlag, 2010.
- Bonnot, Kodzasov 1998 — Ch. Bonnot, S. V. Kodzasov. Semanticheskoe varirovaniye diskursivnykh slov i ego vliyaniye na linearizatsiyu i intonirovaniye (na primere chas-tits *zhe* i *ved*) [The semantic variation of discursive words and its effect on linearization and intonation (on the example of particles *zhe* and *ved*)]. K. Kiseleva, D. Pail-lard (eds.). *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: contextual-semantic description]. Moscow: Metatekst, 1998. P. 382–443.
- Brykina et al 2016 — M. Brykina, V. Gusev, S. Szeverényi, B. Wagner-Nagy. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprach-korpora. Version 0.1. Publication date 2016-12-23. Available at: <http://hdl.handle.net/11022/0000-0001-B36C-C> (accessed on 12.11.2020).
- Büring, Gunlogson 2000 — D. Büring, C. Gunlogson. *Aren't Positive and Negative Polar Questions the Same?* Available at: <http://hdl.handle.net/1802/1432> (accessed on 12.11.2020).
- Burkova 2004 — S. I. Burkova. Obraztsy tekstov na lesnom dialekte nenetskogo yazyka (purovskiy govor) [Samples of texts in the Forest dialect of the Nenets language (Pur variety)]. N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova (eds.). *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. Iss. 13: *Ekspeditsionnye materialy* [Fieldwork materials]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2004. P. 149–162.
- Burkova 2008 — S. I. Burkova. Analiticheskie glagolnye formy skazuemogo s modalnym znacheniem v tekstakh na lesnom dialekte nenetskogo yazyka [Analytical verb forms of the predicate with modal meaning in texts in the Forest dialect of the Nenets language]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo AO*. 2008. Iss. 6 (58). P. 104–138.
- Burkova 2013 — S. I. Burkova. K voprosu o «voprositel'noy» forme *-sa* v nenetskom yazyke [To the question of the “interrogative” form *-sa* in the Nenets language]. A. E. Kibrik (ed.), T. B. Agranat, O. A. Kazakevich, E. V. Kashkin (comp.). *Lingvisti-cheskyy bespredel* — 2. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu A. I. Kuznetsovoy [Linguistic chaos — 2. Collection of scientific works for the anniversary of A. I. Kuznetsova]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2013. P. 46–65.
- Burkova 2016 — S. I. Burkova. O diskursivnykh funktsiyakh enklitiki =ma v tundrovom i lesnom nenetskiykh yazykakh [On the discursive functions of the enclitic =ma in the Tundra and Forest Nenets languages]. *VI Mezhdunarodnaya konferentsiya po samodistike pamyati A. I. Kuznetsovoy (1932–2015): sbornik tezisev* [6th International conference on Samoyedology in memory of A. I. Kuznetsova (1932–2015): book of abstracts]. Moscow: Institute of Linguistics RAS Press, 2016. P. 13–15.

- Burkova 2020 — S. I. Burkova. O diskursivnykh funktsiyakh enklitik =ma i =mʔ v tundrovom enetskom yazyke [On the discourse functions of the enclitics =ma and =mʔ in Tundra Nenets]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2020. Vol. XVI. Pt. 3. P. 29–52.
- Grèssillon 1980 — A. Grèssillon. Zum linguistischen Status rhetorischer Fragen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 1980. Vol. 8. S. 273–289.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. *Tipologiya imperativa* [Typology of imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013.
- Gusev 2015 — V. Gusev. Negation in Nganasan. M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 103–132.
- Hackstein 2016 — O. Hackstein. Negative Interrogatives and *Whatnot*: The Conversion of Negation in Indo-European. *Indo-European Linguistics*. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 150–189.
- Helimsky 1994 — E. A. Helimsky. Oчерк морфологии i slovoizmenitelnoy морфологии nganasanskogo yazyka [Essay on morphophonology and inflectional morphology of the Nganasan language]. E. A. Helimsky (ed.). *Taymyrskiy etnolingvisticheskiy sbornik* [Taimyr ethnolinguistic volume]. Iss. 1: *Materialy po nganasanskomu yazyku i shamanstvu* [Materials on Nganasan language and shamanism]. Moscow: Russian State University for Humanities Press, 1994. P. 190–221.
- Khanina, Shluinsky forthc. — O. Khanina, A. Shluinsky. Forest and Tundra Enets. To appear in: D. Abondolo, R.-L. Valijärvi (eds.). *The Uralic languages*. Abingdon: Routledge.
- Khanina, Shluinsky mscr. a — O. Khanina, A. Shluinsky. *Corpus of Enets texts*. Manuscript.
- Khanina, Shluinsky mscr. b — O. Khanina, A. Shluinsky. *Verbal inflection in Enets*. Manuscript.
- Ladd 1981 — R. D. Ladd. A first look at the semantics and pragmatics of negative questions and tag questions. R. A. Hendrick, C. S. Masek, M. F. Miller (eds.). *Papers from the 17th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1981. P. 164–171.
- Lar, Pushkareva 2001 — I. A. Lar, E. T. Pushkareva. *Mify i predaniya nentsev Yamala* [Myths and traditions of the Nenets of Yamal]. Tyumen: Publishing House of the Institute for the Development of the North of Siberian Branch of RAS, 2001.
- Levontina 2005 — I. B. Levontina. Ob odnoy zagadke chastitsy ved [About one puzzle of the particle ved]. I. M. Kobozeva, A. S. Narinyani, V. P. Selegey (eds.). *Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii po kompyuternoy lingvistike i intellektualnym tekhnologiyam «Dialog 2005»* [Proceedings of the International conference on computational linguistics and intellectual technologies “Dialog-2005”]. Moscow: Nauka, 2005. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2398/levontinai.pdf> (accessed on 12.11.2020).
- Meibauer 1986 — J. Meibauer. *Rhetorische Fragen*. Tübingen: Niyemeyer, 1986.
- Munshi, Bhatt 2009 — S. Munshi, R. Bhatt. Two locations for negation. Evidence from Kashmiri. J. van Craenenbroeck (ed.). *Linguistic Variation Yearbook 9*. Amsterdam: Benjamins, 2009. P. 205–240.

- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Oskolskaya 2017 — S. A. Oskolskaya. *Aspekt v nanayskom yazyke* [Aspect in Nanai]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2017.
- Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deystvitel'nostyu* [Utterance and its correlation with reality]. Moscow: Nauka, 1985.
- Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic Studies]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996.
- Pope 1976 — E. N. Pope. *Questions and answers in English*. (Janua linguarum, Series practica, 226.) The Hague; Paris: Mouton, 1976.
- Pushkareva, Khomich 2001 — E. T. Pushkareva, L. V. Khomich. *Folklor nentsev* [Folklore of the Nenets people]. Novosibirsk: Nauka, 2001.
- Romero, Han 2004 — M. Romero Ch.-H. Han. On negative yes/no-questions. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. P. 609–658
- Salminen 1997 — T. Salminen. *Tundra Nenets inflection* (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Shluinsky 2010 — A. B. Shluinsky. «Kontrastivnye» glagolnye okonchaniya v lesnom dialekte enetskogo yazyka [“Contrastive” verbal personal inflexions in Forest Enets]. S. I. Burkova (ed.). *Materialy 3-y Mezhdunarodnoy konferentsii po samodistike* [Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology]. Novosibirsk: Lyubava, 2010. P. 279–291.
- Siegl 2013 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia* (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 267). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.
- Siegl 2014 — F. Siegl. The counterfactive mood in Forest Enets and its origin. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Vol. 62. S. 184–206.
- Sorokina, Bolina 2005 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.
- Stenin 2015 — I. A. Stenin. Grammatika tundrovogo nenetskogo yazyka I. A. Nikolaevoy i problemy opisaniya samodiyskikh yazykov [Grammar of the Tundra Nenets language by I. A. Nikolaeva and problems of describing Samoyedic languages]. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2015. No. 4. S. 91–133.
- Tereshchenko 1973 — N. M. Tereshchenko. *Sintaksis samodiyskikh yazykov* [Syntax of Samoyedic languages]. Leningrad: Nauka, 1973.
- Thompson 1994 — G. Thompson. *Reporting* (Collins COBUILD English Guides. Vol. 5). London: Harper and Collins, 1994.
- Urmanchieva 2015 — A. Yu. Urmanchieva. Sochetaniya nenetskikh glagolnykh form s emfaticheskoy chastitsey *hë*” ~ *hio*”: vzaimodeystvie znacheniy [Combinations of Nenets verbal tense forms with the emphatic enclitic *hë*” ~ *hio*”: the interaction of meanings]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniy*. 2015. Vol. XI. Pt. 3. P. 755–773.
- Venhuizen 2011 — N. J. Venhuizen. *Negation in Questions*. MSc Thesis. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2011.